

Т.Б. Коваль

Религиозная ситуация в современной России: основные тенденции

Религиозный фактор становится все более значимым в общественно-политической жизни многих стран и народов. С одной стороны, это связано с его важной ролью в определении этнокультурной идентичности в условиях глобализации. Стирая различия и внешне сближая народы, она, вместе с тем, порождает у них желание не потерять и сохранить свой лик, отличный от других, найти свое место в мире, путь и смысл национального бытия.

С другой стороны, нарастающая хаотизация современного мира, его нестабильность и непредсказуемость, хрупкость личного и семейного благополучия перед лицом экономического кризиса, который никак не кончается, всевозможные новые угрозы, - все это заставляет людей искать точку опоры и способы обретения внутренней стабильности. И они находят это в религии, в связи с Богом.

В современной России сложилась во многом уникальная религиозная ситуация. Но прежде чем оценить ее, скажем, что она вписана в общий контекст затяжного нравственного, политического и социально-экономического кризиса, в котором пребывает российское общество. Душа его страдает в относительно молодом, но искаленном государственно-политическом теле, покрытом язвами коррупции, с бюрократической опухолью и повышенным государственным давлением. Некоторая часть его вообще перестала что-либо чувствовать и понимать. У многих повреждено зрение и гипертрофированно развит слух – за реальность принимается то, не что они на самом деле видят, а что им говорят и внушают СМИ. Иногда, наоборот, при остром зрении и ясном понимании утрачена способность слышать другого. Как правило, затруднено политическое и моральное дыхание наиболее честных и совестливых (вне зависимости от их религиозных или атеистических убеждений). Тяжело больно общество, но и в не меньшей степени церковь и другие религиозные организации. Вместе с тем, духовный пульс еще сохраняется, - в простых жизненных переживаниях, любви и сострадании, поисках смысла жизни миллионов людей, в подвижничестве простых верующих и священников, в живой вере.

Специфика религиозной ситуации связана с несколькими факторами.

Во-первых, не так много времени прошло после крушения советского строя с его атеистической идеологией. Свобода совести, провозглашенная в новой России, дала возможность менее чем за десятилетие восстановить, а точнее воссоздать практически заново все религиозные традиции, которые существовали до революции 1917 г., и

вывести их из социального «гетто». Это вновь обретенное конфессиональное многообразие нужно принять как великое достижение и духовное богатство, питающее национальные культуры в нашей многонациональной стране.

Во-вторых, важно обратить внимание на то, что воссоздание религиозных традиций было делом еще вполне советских людей. И хотя на авансцену общественно-политической жизни вышло молодое поколение, оно оказалось в религиозном плане более фундаменталистским, чем старшее. В любом случае «постсоветский» верующий – будь он православным, мусульманином или последователем любой другой религии, - особое явление, и специфику его менталитета, в котором сохраняется многое от советского прошлого, нужно учитывать. Так и современное православие нельзя представлять себе как прямое продолжение дореволюционной традиции. Увы, оно также искажено советским наследием.

В-третьих, на волне пробудившегося интереса к религии граждане возлагали в 90-е годы очень большие, подчас неоправданные надежды на религиозные организации, прежде всего Русскую Православную Церковь, ожидая от них решения многих проблем, не только духовных или нравственных, но и социально-политических. Но реальность оказалась сложнее. Тем не менее, религиозные организации были и остаются теми единственными в своем роде социальными институтами, которые профессионально занимаются духовным окормлением и нравственным воспитанием. Кроме того, в отличие от всех других социальных институтов, они не теряют высокую степень доверия граждан. Это относится, в первую очередь, к РПЦ, которая, несмотря на скандалы и «нестроения», сохраняет свой авторитет.

Вместе с тем, события последнего года, в том числе и с «кошунницами», фактически раскололи страну, а точнее, вывели на поверхность копившиеся идейные и духовные противоречия. Многие исследователи не без основания говорят о том, что сейчас в стране есть «два народа, две церкви»¹. К этому добавляется возможность быстрого обострения межэтнических и межконфессиональных противоречий. Часто встречающиеся заявления о том, что якобы история многонациональной и многоконфессиональной России не знала религиозных конфликтов, не убеждают в том, что в будущем такие конфликты невозможны. В этой связи обращает на себя внимание высокий градус ксенофобии в российском обществе. Причем если раньше в ксенофобских настроениях преобладал антисемитизм, то теперь основное раздражение вызывают кавказцы, которые, в большинстве своем представляют ислам. Однако о противостоянии православия и ислама речи, к счастью, пока нет.

---

¹ См., напр.: Солодовник С. Два народа, две церкви. // Pro et Contra, № 3 955), май-июнь 2012.

В этой связи хотелось бы привлечь внимание к некоторым тенденциям, которые, как представляется, могут быть весьма опасными для стабильности и целостности России.

Во-первых, это **политизация религии**, которая свойственна сегодня в той или иной степени всем конфессиям. Прежде всего это относится к исламу, поскольку политические вопросы в нем неотделимы от собственно религиозных. Обычно основную проблему видят в радикализации ислама и в том, что ваххабизм вытеснил так называемый традиционный ислам. «Парадокс в том, что, привычно пугаясь «ваххабизма», федеральная власть, - по словам А.В. Малашенко, - пребывает в твердой уверенности в конформизме традиционного ислама как на Кавказе, так и в Поволжье, не обращая внимания на его политизацию. И если кто-то из ответственных чиновников федерального уровня вдруг узнает, что традиционный ислам также содержит политическую составляющую, а его носители полагают себя не просто союзником, но и наставником для местных политиков, то они, скорее всего, удивятся и не поверят этому обстоятельству».²

Но и православие не менее политизировано. В наибольшей степени это относится к РПЦ. Она все больше напоминает закрытую корпорацию с четкой политической державно-имперской программой, ориентацией на симфонию с государством, неприятием демократии, ясными представлениями об идеальных формах правления (монархии в ее абсолютистском варианте)³, «геополитическим проектом» (определение Патриарха) под названием «Русский мир». Глубоко политизирован вопрос о численности православных верующих. Построение в церкви властной вертикали повторило с запозданием аналогичный процесс в государстве. Год назад, казалось бы, обозначился и новый властный тандем – Президент и Патриарх. Симптоматично, что ряд крупных государственных деятелей возглавляют религиозные организации и фонды.

Во-вторых, это **идеологизация религии**. Православие играет роль идеологии, приверженность которой воспринимается как знак благонадежности, нравственности, патриотизма и становится почти «обязательной» для многих деятелей ведущих политических партий и государственных структур.

В целом церковную идеологию можно определить как державно-этанитарную. Важно обратить внимание на то, что политическая линия РПЦ претерпела за последние десятилетия существенную трансформацию. Начав с поддержки демократических преобразований, она стала ориентироваться с середины 90-х годов на

2 Малашенко А.В. Государство и ислам в постсоветской России. <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-13339.html>

3 Все это изложено в официальных документах, прежде всего, «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.)

антидемократические идеи и авторитарные формы правления. В идеале, судя по церковным документам и выступлениям высшей иерархии, речь может идти о неограниченной монархии, которая была бы способна осуществить идеал «симфонии» с церковью, а это, в свою очередь, предполагает превращение православия в государственную религию.

Светский характер государства, кажется, неприемлем для многих православных идеологов, ориентированных на традиционную «симфонию» церкви и государства, при которой «мирская власть и священство относятся между собой как тело и душа». Причем, эта «идеальная форма исторически могла быть выработана лишь в государстве, признающем Православную Церковь величайшей народной святыней, - иными словами, в государстве православном» (III, 4).⁴ В российской истории, по мнению авторов «Основ социальной концепции», этот идеал реализовывался более гармонично, чем в Византии, откуда он был заимствован. На него и следует ориентироваться в современных условиях.

Демократия, как следует из текста «Основ», является наиболее низкой в духовном отношении, в то время как более высокой признается монархия, до которой русский народ еще должен «дозреть», и пастыри должны вести его к этому. При этом монархия понимается как абсолютная.

В принципе, - добавим от себя, - любая форма (монархия, демократия, режим личной власти) могут быть наполнены самым разным содержанием. Но делать идеалом Российскую Империю XIX в. или государство времен Ивана Грозного (а именно к этому, судя по текстам, и призывают документы РПЦ), вряд ли целесообразно.

В этом отношении уместно вспомнить рассуждения известного православного богослова прот. А. Шмемана. «Высокий, святой даже, идеал «симфонии», выношенный Византией, желание светом Христовым просветить грешную ткань истории, требует очень тонкого, но очень ясного различения церкви и мира. Ибо только тогда церковь до конца выполнит свою миссию преображения мира, когда столь же до конца ощутит себя и «царством не от мира сего», - писал он.⁵ Трагедия, по его мнению, заключалась в том, что византийская церковь слила себя с империей не только «административно», но и психологически. В результате государство стало для нее высшей, бесспорной, самоочевидной, неприкосновенной ценностью. Не то ли происходит сегодня и в нашей стране? Но история России, как и многих стран, показала, насколько для церкви опасно отождествление с каким бы то ни было политическим режимом, и какие потери она несет в случае его банкротства.

---

4 Указ. раб. С. 265.

5 Прот. А. Шмеман. Исторический путь Православия. – М.: Паломник, 1993. С. 267.

Политическая активность РПЦ, однако, заметно обгоняет ее социально-карикативную деятельность. Благотворительность, забота о «сырых и убогих» во многом остается делом подвижников-одиночек. Однако именно в этом направлении может осуществляться плодотворное сотрудничество религиозных и общественных благотворительных организаций и государства. Пока же ясно, что РПЦ проигрывает другим религиозным организациям, прежде всего, протестантским, в организации и мобилизации верующих в социально-карикативной деятельности. Также она не нашла нужной тональности и формы общения с широкими слоями современного общества, в том числе далеких от религии граждан.

В-третьих, и это, пожалуй, особенно опасно, происходит **«национализация» религии**, которая становится не просто важнейшим компонентом этнонациональной идентичности, но и основой для развития националистических тенденций. Это относится как к исламу, так и к православию, а также всем религиям и верованиям России, включая шаманизм северных народов.

Важно, что подавляющее большинство россиян (75%) называют себя православными, но при этом почти половина из них вообще не верят в Бога. Этнический принцип (русский значит православный) закрепился не только в общественном сознании, но и богословски обоснован в официальных концепциях РПЦ (о «канонической территории» и особенно к примыкающей к этому менее известной концепции о «культурной канонической территории»). Другими словами, такая принадлежность к религии «по крови» не предполагает обязательности наличия веры как таковой, ни осведомленности об основах вероучения, ни тем более религиозной практики, ни исполнения заповедей, вообще ничего. Однако она реанимирует архаические пласты сознания, легко может стать инструментом политической мобилизации, орудием сплочения против любого надуманного общего «врага», средой для развития агрессии и насилия, совершаемого «во имя Божие», «ради защиты веры и церкви» и т.д.

Эта тенденция способна разнести страну на этноконфессиональные куски, породить этнические конфликты под религиозными знаменами. Причем тенденция национализации религии исходит как от общества, так и от религиозных организаций.

Так, общество воспринимает религию как основу национальной идентификации. Для русского населения характерно причислять себя к православным, для населения республик, где традиционно был распространен ислам и буддизм – к этим религиям. При этом в каждом случае «свой» национальный вариант той или иной религии видится высшим образцом.

Религиозные организации и, прежде всего, РПЦ не только поддерживают, но сознательно развивают эту тенденцию, что отражено в официальных документах, проповедях и пастырских посланиях.

В контексте успешно развивающегося альянса РПЦ с государством, православие превращается в религию русских, а в перспективе – в фактически господствующую официальную религию государства, которое, стремясь выглядеть демократично, допускает существование еще нескольких так называемых традиционных религий. Невозможно, однако, сначала всех провозгласить православными (мусульманами, буддистами, иудеями), а затем сделать «настоящими» верующими. Внешняя религиозность, как всякое фарисейство, губит, а не воспитывает духовность, стимулирует развитие агрессии и вражды ко всем «другим» - «инакомыслящим», «иноверцам», «инородцам», общему врагу – «проклятому Западу» и т.д.

Особенно опасными представляются все эти тенденции в условиях колоссального разрыва между:

- религиозной самоидентификацией подавляющего большинства (более 80% россиян причисляют себя к тем или иным конфессиям), и его фактическим неверием.
- внешней религиозностью и полным незнанием основ веры и возникающим на этой почве религиозным синкретизмом, возрождением язычества, архаических верований, магии и колдовства,
- причислением себя к той или иной конфессии и слабой степенью соблюдения религиозных предписаний.

В-четвертых, нельзя не сказать и об ошибочном отождествлении нравственности с религией. Она имеет давнюю историю и опирается на то, что нравственные заповеди получены от Бога, а не являются плодом человеческих измышлений. В современных условиях подобное отождествление используется монотеистическими религиями и наиболее активно православными и католиками для того, чтобы противостоять «моральному релятивизму» и «человекобожию».

Однако нравственность и духовная жизнеспособность не зависят от того, верит или не верит человек в Бога, а точнее, считает ли себя верующим или неверующим. С одной стороны, потому, что вера может появляться и исчезать, а затем, иногда на пороге смерти, вдруг возникать вновь, и граница между верой и неверием так тонка, что никто не может достоверно свидетельствовать о своей крепкой и нерушимой вере. С другой стороны, потому, что с даже богословской точки зрения «Дух дышит, где хочет», и, значит, может проявлять себя через веления совести в любом человеке, вне зависимости от его

религиозных или атеистических убеждений. При этом в православии, в отличие от западного христианства с его понятием «естественного нравственного закона» и современными концепциями «людей доброй воли» и «анонимных христиан», сохраняется традиционная предубежденность по отношению к неверующим и «инославным», а «светский гуманизм» видится главным врагом. Это принципиальная ошибка, потому что именно светский гуманизм и искренняя вера, хотя и иная, могут быть главными союзниками в борьбе с подлинным врагом общего блага - злобой и ненавистью, уничтожением жизни в прямом и косвенном виде (через законы и постановления, сокращающие родильные дома, обрекающие на смерть брошенных больных детей и т.д.), унижением человеческого достоинства, попранием справедливости и т.д. Вместе с тем, общеизвестно, что существует общий для подавляющего большинства религий и философских учений нравственный знаменатель: «золотое правило», предполагающее уважение к «другому», отказ от любых проявлений агрессии и насилия, признание милосердия и сострадания императивами личного и группового поведения.

Сейчас существует множество интерпретаций идеального образа религиозной жизни страны. При этом иногда «забывают» о уже существующих конституционных и правовых основах. Поэтому нелишне напомнить о положениях Конституции (1993 г.), которая определяет Российскую Федерацию как светское государство⁶, гарантирует свободу совести и провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы⁷. Кроме того, в Конституции говорится и о социальном характере государства. Будем исходить из незыблемости этих и других конституционных положений. Они соответствуют необходимым параметрам духовного и нравственного здоровья общества и государства⁸.

---

6 **Статья 14.** 1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. **Статья 28.** Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

7 **Статья 2.** Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

8 Что касается законов, более детально регулирующих религиозную жизнь, то они далеки от совершенства. Федеральный Закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» внутренне противоречив. Не случайно в него постоянно вносятся поправки, вызывающие острые дискуссии. Особенно неоднозначной остается Преамбула, которая, хотя и подвергалась переработке (в частности, был снят искусственно созданный и вызывавший недоумение термин «традиционные» религии), допускает самые различные толкования.

Исходный и главный принцип, закрепленный в Конституции – признание человеческой личности началом и целью всех социальных и государственных институтов, а земной жизни человека – величайшей ценностью. Однако с этим, казалось бы, очевидным положением, которое разделяет большая часть цивилизованного мира, дело обстоит в России не просто тяжело, но угрожающе плохо. Сейчас, как и раньше, господствует укорененная в веках этатистская психология, в соответствии с которой государство превыше личности, а человеческая жизнь и достоинство личности не ставятся ни во что. Дело не только в живучести советского наследия, примером чего может служить идеализация «вождя народов», но и в особой трактовке человека и его земной жизни в русской православной традиции и современном постсоветском православии.

С одной стороны, все монотеистические авраамические религии, к которым относятся иудаизм, христианство и ислам, строят свою антропологию на основе Библии, в которой говорится о высоком достоинстве человеческой личности. Вместе с тем, все они признают грехопадение и помраченность личности грехом. С другой стороны, по-разному расставляя акценты, каждое из них приходит к своему видению личности и связанному с этим социально-политическому идеалу. Что касается христианства, то каждое из христианских исповеданий (православие, католицизм и протестантизм) по-своему трактует соотношение богоподобия и помраченности грехом. Важно, что современный католицизм после Второго Ватиканского Собора (1962-1965) делает акцент на богоподобии и на этой основе утверждает, что весь социальный и политический порядок должен подчиняться пользе личностей, а не наоборот. На этой же основе демократия признается лучшей из существующих форм правления (хотя и говорится о недопустимости поклонения ей как новому идолу и превращении ее из средства в цель). На этой же основе защищаются права человека, в том числе базовая из них – свобода совести, а также проповедуется политический и гражданский активизм. Протестантизм делает своего рода сальто-мортале: он начинает с пессимистического видения последствий грехопадения и заканчивает величием человека, при этом социал-демократия видится большинству протестантских богословов оптимальным путем.

В православии все обстоит сложнее. Во-первых, не отрицая богоподобия и даже развивая учение об «обожении» как высшей цели жизни, оно делает акцент на тяжелых последствиях грехопадения. Из современных, т.е. принятых начиная с 2000 г. официальных церковных документов, не говоря уже о текстах выступлений и проповедей высших иерархов, следует, что человек – грешное существо, которое не может без помощи церковных пастырей и государственных чиновников даже уразуметь, в чем заключается

его благо, а тем более, к этому благу прийти. Отсюда альтернативное западному видение прав человека, отраженное в документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.)

Во-вторых, земная человеческая жизнь никогда не признавалась высшей ценностью, и «настоящая» жизнь полагалась после смерти⁹. Это соответствует эсхатологическому характеру православия и его сосредоточению на вопросах о Боге, а не на собственно человеческой земной жизни. Отсюда традиционное абстрагирование от социальных проблем. Показательно, что первый официальный и базовый для религиозной жизни церковный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» был принят только в 2000 г. (В то время как, например, католический мир в лице латинских отцов церкви начал разрабатывать свое социальное учение с первых веков). Этот документ, отличающийся крайней противоречивостью, обозначил великий прорыв в истории православия, поскольку признал, что «гнушение» земной жизнью не соответствует христианскому учению. (Обратим внимание, что этим косвенно подтверждается наличие факта такого гнушения в православном сознании, и быстро эту проблему не решить).

Следует добавить, что монашеский аскетический идеал, на который, согласно православной традиции, должны ориентироваться не только монахи, но и миряне (косвенно это подтверждается и в современных церковных документах), не способствовал ни признанию частной собственности, ни развитию стремления к достойным условиям жизни. Самоунижение всегда составляло его неотъемлемую часть.

Вместе с тем, «реабилитация» человека и земной жизни, как и связанная с этим разработка социальных и политических проблем, уже была сделана в православном богословии «Серебряного века»¹⁰, богатое наследие которого до сих пор не востребовано церковью. О необходимости его актуализации не раз говорил, например, один из крупнейших современных православных богословов арх. Иларион (Алфеев). Впрочем, этого до сих пор не произошло.

---

9 Показательны сохраняющие свою актуальность для современной церковной жизни слова святых подвижников XVIII в. о том, что земная жизнь есть не более, чем «дым, пар, пепел, прах, смрад», и что спасение связано не столько с земными трудами, не с попытками усовершенствовать этот мир, как это было в западном христианстве и особенно протестантизме, а с тем, чтобы внутренне разорвать все связи и привязанности к земному. «Для получения Царствия надобно утвердиться в таком характере жизни, что крови и плоти словно нет».

10 Так, по мысли прот. С. Булгакова, «есть одна высшая ценность, при свете которой нужно давать сравнительную оценку разных хозяйственных форм. Это свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она не представляла. Является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности. Так и от социальной неволи»././ Прот. С. Булгаков. Православие. М.: Терра, 1991. С. 367-368.

Другие базовые конституционные принципы состоят в утверждении светского характера государства и признании свободы совести основой прав и свобод человека сейчас также проходят проверку на прочность, и отрицать попытки клерикализации со стороны РПЦ невозможно. Однако, как не раз было в истории, попытки расширить зону влияния оборачивались потерей внутреннего духовного импульса, и церковь переставала играть предназначенную ей роль «закваски», постепенно преобразующей общество. Живое пламя веры храниться в молитве и таинствах, а не политических речах и погоне за славой, властью и богатством.

Что касается свободы совести, которая расценивается в этом базовом современном церковном документе как «массовая апостасия», т.е. богоотступничество, то она, напротив, должна признаваться основой религиозной жизни – не только потому, что записана в Конституции, но и потому, что соответствует христианскому вероучению. Ведь право на свободу исповедовать какую-либо религию или не исповедовать никакой содержится в самом достоинстве человеческой личности. Подлинная духовная жизнь связана с верой, которая состоит из внутренних свободных актов, и их невозможно запретить. Религиозная жизнь, лишённая этой свободы, питающей живую веру, выхолщивается в обрядоверие, которое, в свою очередь, может легко превратиться в религиозно окрашенную идеологию.

Таким образом, необходимо осознать, что без приведения в соответствие социального учения с конституционными основами, как и вообще без серьезных изменений в церкви, которая должна нести свет любви, милосердия и прощения, а не поощрять создание отрядов православных боевиков и подобных им групп, духовно-нравственное оздоровление общества вряд ли будет полноценным.